

Александр АНОСОВ

г. Москва

ЛЮДИ В ОКНЕ

Для чего служит самое обычное окно? Впускает свет во тьму, озаряет помещения.

И нас. За моим окном все время меняются пейзажи. И лица.

Вот вроде бы только рассмотрел, узнал и запомнил — хлоп, и за окном другое, другие.

Ни бабушка, ни одинокая соседка, ни тихая река, а темнота тоннеля московского метро.

А в вагоне тоже — люди, лица. И взгляд каждого — это тоже свет.

Агроном и Цветаева

Это ужасно, что мы так мало знаем о себе. О своих предках. Вот у татаров-казахов в этом смысле все четко. Годовалый ребенок с легкостью отвечает на вопрос о том, к какому роду он принадлежит, а если ветвь каким-то чудом примыкает к Чингизхану, то это еще и один мощный повод для гордости.

Я своего дедушку практически не знал. Он работал агрономом. Вот и весь сказ. А жизнь-то где? С ее страстями, бедами и победами?

— Вот тебе лисичка передала, — говорил дед мне, ребенку, протягивая нехитрые дары — то яблоки, то груши, немного помятые и некрасивые, но лисичка же не в магазине их взяла, надо думать.

В руках у меня алые гвоздики, и хочется соврать, что от лисички, зайчика, Чебурашки какого-нибудь, да некому врать. Цветы и горсть земли.

На похороны в Оренбург мы прилетели с двоюродным братом. Какое-то тупое слово «двоюрод-

ный», как будто из медицинского словаря. Он работает актером. Вот, собственно, и все, что я знаю. В самолете он рассказывает о гонорах-заграницах, где всегда тепло и вино за 200 евро бутылка льется рекой. Я слушаю вполуха, иногда вылезая из-под капюшона, — Хакамада научила летать в удобных шмотках, наверное, я один из немногих обогащенных ею учеников.

Гонорары и кисельные берега — это то, куда надо стремиться всем, если ты хочешь расти и развиваться, — так нас научила индустрия. Всё вокруг индустрия. Всё вокруг кондиционер для белья. Можно подумать, что без него белье будет пахнуть псиной, Жаном Жене, нищетой клошара? Не будет. Чистота не пахнет.

В этой квартирке, где выросли наши с двоюродным братом отцы, ничего не изменилось. Только теперь я в ней чувствую себя Гулливером в стране лилипутов — все низенькое, маленькое, скрипучее и хлипкое. В детстве все казалось совсем другим. Ба-

бушка – учительница, страстная собирательница фарфора – населила это пространство диковинными и не очень зверями – оленями, собаками, жар-птицами. Сейчас они выглядят сиротливо, как будто лишились чего-то. Животные, так манявшие в детстве своими блестящими силуэтами, оказались обычными безделушками.

Дедушка вряд ли был книголюбом. Агрономы про другое. Он был красив, спортивен, прекрасно пел, говорил связно и легко, не помню его взхлеб читающим. Но одну книгу он мне все же открыл, да так, что не закрыть теперь. Странно сказать какую.

Мне было не больше 12 лет, когда он сказал:

– Вот, Саша, тебе уже можно читать такое – взрослая лирика, почти эротика.

Это был томик Марины Цветаевой, по стихам которой я писал сочинение, поступая в вуз, а по прозе – диплом, покидая пределы альма-матер.

Еще одна книжка, которую открыл мне не дед, а стеллаж в его квартире, называлась «Четвертая высота». Старшее поколение знает, о чем она, а вот мои ровесники вряд ли. Книга уже и по меркам моего детства была диким олдскулом, а сейчас и подавно. Там про девочку Гулю, которая в одиночку обезвредила 15 фашистов и в итоге погибла. Странно, но про Гулю я знаю немного больше, чем про своего деда.

Во дворе срубили яблоню, на которую мальчишкой я любил залезать. Она плодоносила маленькими кислыми яблочками, которые собирали забавы ради дети и бабки – на компот. Яблони нет. Рывины, ухабы, кривые гаражи и сараи – пролетарский район города Оренбурга, да и любого другого города, который не-Москва, пугает. Так пугают иные кадры из лент Киры Муратовой.

За столом говорят мало и не всегда по делу:

– Твоя бабушка нас учила же. В школе мы с женой и познакомились, – говорит дядька с суровым лицом.

Лицо убийцы, а сам – сентиментальный. Обманчивая внешность. Обманчивая жизнь прикинулась лисичкой-сестричкой, носила тебе яблочки, а потом – кирдык – вильнула рыжим хвостом, и ничего ты не успел.

Агроном, который любит Цветаеву. Сильно? А то! Хорошо, что есть хоть это воспоминание. Иначе был бы полный вакуум, казахам, например, неведомый – до черт-те какого колена всех помнят и чтут, а мы? А я?

– Поехали, – говорит мне однажды дед, – в Соль-Илецк – там соль, солнце, счастье. И плавать уметь не надо – вода тебя держит. Вот плывешь ты такой... – заходил дед в рассказах.

– А вокруг тебя говна, говна! – подначивала его бабушка.

Я съездил. В прошлом году. Там не говна, конечно, озеро как озеро, а недалеко от него – тюрьма «Черный дельфин», при ней, говорят, сувенирами из хлебного мякиша торгуют.

Заходим с братом в маленький магазин. Людей нужно угощать. Одна из продавщиц воссияла, увидев живого актера, и как закричит:

– Я вас где-то видела! Точно видела!

Прошу брата скорее дать поклоннице автограф. Сказал, что пожелал ей любви. Любви!

А была ли любовь у деда? Не та, что про семью и детей, с ней мне все ясно, а другая, такая, как в «эротических» стихах Цветаевой?

Такая слабость вдоль колен!

– Так вот она, стрела Господня! –

– Какое зарево! – Сегодня

Я буду бешеной Кармен.

Не узнать. Не спросить. Как не отведать яблок и груш, которые мне приносила лисичка. Нет ее. Холм земли.

Счастливая

В моем детстве все знали, что не стоит не только заговаривать с незнакомыми, но и поднимать деньги с земли. Странное, казалось бы, предостережение, на них же можно купить у старушек сникерс или жвачку «Орбит»! Можно, но на брошенные неизвестно кем и зачем деньги – нельзя. Кто-то, конечно, поднимал и покупал желаемое. Валялись банкноты, как правило, некрупные – 5-10 тенге. Не разгуляешься. К чему этот запрет? Дети были предоставлены сами себе: гуляли, перелезали через заборы, покоряли крыши мелких строений, получали по шее от старух, прятались в лесопосадке от родителей, но деньги с земли не поднимали. Потому что они могли быть заколдованными, заговоренными. На отведение болезни, например. Поднял, и прилипло к тебе такое, что не вылечишь. А потом по городу разлетаются слухи: «Помнишь, парень на мотоцикле гонял? Вот его перекосило. По лицу не узнать. Говорят, порча». И правда, парень тот исчез на время, а потом появился снова, и все во дворе внимательно смотрели на его лицо: перекосило или нет? Да! Он стал криворотым! Как тебе такое, Гарри Поттер? Так и ходил какое-то время, пока его не поправили. Кто? Как? Не знаю. Но мир устроен сбалансированно, и там, где живут темные силы, есть и спасительные, белые.

* * *

Баха была белой. Баха – это от казахского имени Бахыт или Бакыт, что значит «счастливая». Не знаю, была ли она счастливой. Одинокой была и безотказной. «Я его лечила». Это ее фраза. Лечила она толпы – почти как поликлиника. И тропа не зарастала. Помню, что на холодильнике у нее высилась Голгофа из коробок конфет.

– Откуда столько?

– Приносят посетители, – был ответ. А денег она не брала и конфеты, выходит, не ела.

Еще у нее был необычайно тихий голос. Говорила мало, медленно, нараспев. Мне же всегда хотелось получить от нее каких-нибудь пророчеств, поэтому время от времени я мучил Баху глупыми вопросами. Баха, думается мне теперь, не была Вангой. Болгарская старушка – однозначно пророчица, а Баха кто? В казахском языке есть слово «баксы» с твердой горловой «к». Знахарка, значит? И да, и нет.

Помимо всех наших «метафизических» бесед, были и обычные, «мирские» разговоры.

– У тебя открытый голос, ты поешь с открытым звуком, – говорила она.

В детстве я не понимал, о чем речь, и думал, что это тоже какие-то магические дела. Кстати, Баха открыла мне певицу Аланис Мориссетт. Откуда она ее знала?

Работала Бахыт сначала на молокозаводе, а потом вроде бы в химлаборатории. Получается, что была она химиком. А лечению людей обучил ее дед. Лечила она так: закрывала глаза и начинала читать одними губами какие-то слова, водила руками, а в конце ритуала просила выпить воду, заранее заговоренную. А потом ты просто спишь. Столько, сколько нужно. «Пациент» мог и сутки проспать. И проснуться совершенно здоровым. Жаль, я мало помню о том, что мы обсуждали. Она иногда бросала какие-то, наверное, важные фразы, от чего-то предостерегала, не помню уже от чего. В дырявой голове осталось только одно:

– Тебе будет хорошо в Твери. Это хороший город.

Я тогда собирался уезжать из Казахстана на учебу в Тверь.

И она оказалась права. Древний зеленый город на Волге тепло меня принял.

Когда стало известно, что у Бахи онкология, я жил уже в Твери. Но на каникулах ездил туда-сюда в вонючем плацкарте Актюбинск – Москва. Таких сейчас уже нет, «столыпинские» вагоны, которые вместе с важными словами Бахи уже стерлись из памяти.

Темный перрон, лишь две-три лампочки горят вдалеке, люди ждут проходящего поезда. Вижу

темные фигуры: двое, взяв кого-то за руки, тянут вперед, как волю какие-нибудь, а человек едет по скользкому снегу будто лыжник. Я подумал тогда почему-то: «Наверное, так могут вести Баху». К сожалению, это была она. В последний раз мы говорили в купе поезда:

– Я еду умирать. Хочу, чтобы меня похоронили на Алтае, там моя земля.

Спустя несколько недель мне сообщили, что она умерла. Прошло 13 лет, а я не могу о ней не думать. Кто она? Зачем лечила? Что это за миссия такая? Онкологию, говорят, спровоцировало более сильное колдовство: родственники, желавшие получить ее однокомнатную квартиру, сделали обряд на смерть. Верить в это или нет – дело каждого. Но если представить, что все так, стали они счастливее, заполучив квартиру?

«Использование родителями слова «Бакыт» в имени несет пожелание его носителю физической красоты, отменного здоровья, высоких морально-этических качеств, счастливого супружества, долгой жизни и прекрасных детей, одним словом, того, что можно назвать Счастьем с большой буквы», – говорит «Гугл».

Какое все-таки красивое имя – Бахыт.

Женщина в окне

Вышел на балкон за воздухом. Шел дождь, капли его блестели на едва появившихся листьях – благодать. И то ли моя поза – локти на подоконнике, то ли сама ситуация – заточение в четырех стенах в разгар карантина – напомнили мне о ней, о женщине в окне.

Как часовой на посту, эта женщина смотрела из окна, чаще закрытого, зимой и летом, всегда, будто в одну точку. Смотреть ей было особенно не на что. Ее дом глядел на мой, а она, как мне казалось, в наши, в мои, окна. За несколько лет я к ней даже привык. Иной раз зайдешь в комнату, погасишь свет, а в доме напротив горит огонек – моя «вуайеристка» не сдает вахту так быстро. Правда, иногда она все же отлучалась – приготовить поесть, постирать, посмотреть бразильский сериал. Ну это так, мои фантазии, ведь я не знаю, что она могла делать, когда не сидела у окна.

По-моему, однажды я решил ее поздравить с Новым годом, написав какой-то текст на листке бумаги зеркально, чтоб она смогла прочесть. Хотелось ее подбодрить, зря, что ли, она столько сидела напротив, наблюдая, уверен, за мной.

Иногда я выставлял одноколоночный магнитофон в окно и включал любимую песню – скажем, что-то

из Земфиры. Понятно, что моя компаньонка не слышала, как перед ней распинается «девочка с плером» – расстояние, стекло. Но точно помню, что какие-то песни я включал специально для женщины в окне. Думал, ей скучно. Она сидела так по шесть-восемь часов в день. В минуту какого-нибудь семейного раздора, конфликта с родителями мне было неловко, что все это происходит на глазах у женщины в окне. Я думал, что она порицает нас, тоже ругает меня или чего хуже – родителей?

Одному богу известно, что ее привлекало в этом пейзаже, может, из ее окна открывался совсем другой вид? Нарния? Эгоистично, наверное, было думать, что смотрела она в мое окно. Но так и было.

Как-то раз я решил это проверить и помахал ей рукой, и она ответила тем же. Читателю может показаться, что я изводил тетку своим присутствием в ее картине мира, но тут уж позвольте. Этот абзац текста вмещает в себя годы – так мы взаимодействовали четыре-пять лет, неизвестно как долго, мне думается, что эта женщина сидела у окна всегда.

Потом что-то произошло: она исчезла. Вот окно, вот тюль – извечный фон моей «подруги детства», но ее самой нет. Исчезла. Кто-то потом сказал, что она умерла. Отчего? Почему? Передала ли она кому-то свою оконную вахту? Нет, не передала. Да и жила ли она? Можно ли назвать это сидение у окна часами напролет жизнью? А я вот сижу теперь, живу...

Женщина в окне не умерла, нет, я предпочитаю думать, что она просто смотрит бразильский сериал, переключила фокус внимания.

Крыжовник

«Лето – это ягоды», – подумал я и зачем-то купил крыжовник. Никаких других, более приличных ягод, в магазине не было, кроме разве что голубики, которую я почему-то не покупаю. Я признаю только клубнику и черешню. Все остальное в сонме ягод для меня отсутствует. И вот возник крыжовник. Я намыл его и взял с собой в парк. Сидя там на увядающей вечерней жаре и глядя на сморщенные цветки сирени, я поедал эту странную ягоду. Кислятина с кучей каких-то наростов, которые постоянно надо отрывать – фу, короче, а не ягода. Она, как я теперь понимаю, никогда мне не нравилась, зато всюду всегда росла. И реклама дедушки делала свое дело. Клубнику было не поймать – ее «урожай» как полет тихого ангела – был и не был. А крыжовник рос себе – кушайте, не обляпайтесь. Кислятина, а столько воспоминаний: Оренбуржье, дача, сбор колорадского жука, жара, обед под тенистым деревом, все живы...

В последний раз я пробовал опять-таки оренбургский крыжовник, купленный на «Зеленом базаре» пару лет назад у чужой бабушки. А потом мчался к своей. Дед уже никого не узнавал. Называл меня чужими именами. А я не мог понять, почему так. Это же мой дед, тот самый, он знает мое имя. Не знал. Уже не знал. Бабушка до последнего дня все понимала и была в трезвом уме и твердой памяти – мне кажется, она натренировала свой мозг кроссвордами, которые очень любила, так, что он, ее мозг, просто не мог перестать работать.

– Что это у тебя? Наколки? – спросила она, увидев мои «хипстерские» тату на руках. А потом добавила: – Красивые.

Бабушка и дедушка тоже были красивыми. Чего не скажешь о крыжовнике. Да и кислый к тому же. Зато сколько в нем всяких воспоминаний, смыслов, метасмыслов, глубин и широт. Однажды мы изобретем не только Ольгу Бузову, «Ладу Калину» и салат «Под шубой», но и машину времени – она будет похожа на современные электронные сигареты. Купил, разорвал-раскрутил упаковку и улетел в прошлое. Как? Не знаю, не спрашивайте. Но стоять такие приборы должны не дороже 200 рублей. Не дороже пачки крыжовника.

Движение прямо

Тоскана поразила не только своим меню, которое, как и по всей Италии, обширно и многообразно, но и своей неспешностью и сдержанной, по-питерски правильной красотой: эти оттенки сепии, узкие улочки и особые дорожные знаки – местный художник пририсовывает к обычным скучным указаниям «что-то свое». К примеру, на знаке «Движение прямо» он изобразил ангела, как будто так и надо, как будто так и было. В Тоскане подгружается весь твой итальянский бэкграунд – от шоколадок Васа, которые я пробовал в детстве, до Соррентино с его роскошными кинолентами. Итальянцы же способствуют этому процессу – в крупных книжных на самых видных местах лежат томики Данте, Элены Ферранте и Андре Асимана с его «Зови меня своим именем».

Иногда кажется, что ты в каком-то «параллельном Питере» и перед взором не Арно, а вполне себе Нева, такая же загадочная и своенравная река. Тут уже никакого бэкграунда не надо, это дежавю. Сильное и волнующее. Как и столица герцогов Медичи – они даже в чем-то близки с Петром – те же размах и масштаб.

Даже Венеция с ее парусами простыней и речными маршрутками меркнет на фоне флорентийских

сепия-пейзажей. Кажется, что эта земля «под охраной» каких-то незримых сил – может быть, даже ангелов, указующих на прямое движение.

Поднимаясь в горы, в деревню Фьезоле, автобус иногда попадал в «турбулентность ясного неба» – пассажиров трясло и качало, тужило и пыжило. А нужно ли так возвышаться над рекой? Но было совсем не страшно. Напротив меня, видимо в качестве «амулета», сидел пожилой священник. Вполне соррентиновский. Он выдавал себя характерной колораткой. Своим спокойным видом он будто говорил мне: «Ничего дурного не случится ни сейчас, ни потом».

И я ему поверил. Вид с холма на город не описать словами. Он может только пригрезиться во снах. Тоскана осталась далеко, а я продолжаю движение прямо, на крыльях рукотворного ангела из города на Арно.

Девочка и самокат

Вынужден признать, что выход из карантина дается мне очень тяжело: мне все время кажется, что я как-то не так выгляжу, одет, обут; мне некомфортно в общественных местах, в транспорте, всюду, когда я не дома. Ещё все время эти маски вокруг. Я не успел переключить тумблер: когда все стало так?

Кафе работают навынос. Купил еду. А сесть с ней было негде. Кружил, кружил, как коршун, и в итоге забрел во двор-колодец и сел на какую-то лестницу. Просидев так какое-то время, я увидел,

что сижу у книжного магазина «Черной Сотни». Вот уж не хотелось бы.

Потом забрел в книжный. В обычный на этот раз. Конкретно в этом книжном и так было нечем дышать, а теперь, в маске, и подавно. Увидел книгу «Прогулки с Сосновой», но она вся была в пыли и в каком-то жмыхе – не стал брать. Толстый том, на заднике незнакомое лицо того, кто с ним прогуливался.

На набережной сидят хипстеры. Пьют свой кофе. Я тоже так хочу – сидеть и пить кофе, глядя в синие воды Фонтанки. Или что там они пьют, комбучу? Но я брожу по городу шнырем, озираясь и опасаясь чего-то – последствия карантина тяжелы.

Наконец я нашел себе угол – у кофейни, где дают кахве. Это крепко заваренный напиток, такой кофе пьют в Финляндии, отсюда и слово. Ко мне на лавочку вдруг под села маленькая девочка, распахнула глазищи и засыпала вопросами:

– Это ваш самокат? – глядя на детский малюсенький самокат, спросила она.

– А у вас есть дочка?

Когда я сказал, что дочки нет, малышка удивлённо уточнила:

– Вы одни?

Все мы одни, милая, и ты, и я, все. Мы как тот самокат – катимся, пока отталкиваемся ногой от земли. Это мой самокат. Это твой самокат. Покатаемся ещё?

Александр Аносов –

публицист, автор-исполнитель песен,

член Союза журналистов России.

Родился в 1988 году в Уфе.

Живет в Москве.

Стихи и другие произведения автора ранее публиковались в журнале

«Север», на сайтах Polutona.ru,

«45-я параллель», «Хороший текст» и др.

Автор нескольких книг стихов.

В 2016 году Александр Аносов стал лауреатом конкурса,

объявленного журналом «Север», «Северная звезда».

В настоящее время готовится к изданию книга «Страдательный залог», в которую войдут тексты автора, написанные за последние три года.

